
В БИТВЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ К Р Ы М А

1

Люся Клопкова, молодая летчица, вступившая в ряды полка на Тамани, и ее боевые подруги жили в поселке Пересыпь в небольшом домике одной рыбачки. Муж ее погиб на фронте, а дочери работали в местном рыболовецком колхозе, восстановленном после изгнания фашистов. Еще до рассвета она провожала своих дочерей, отправлявшихся на рыбную ловлю в море, а немного погодя, когда занималась заря, встречала своих новых дочерей — девушек-авиаторов, возвращавшихся с боевой работы, и сердечно, с ласковой материнской ворчливостью закармливала их жареной рыбой. И каждый раз, глядя на девушек, побледневших, усталых, причитала:

— Когда ж этому конец-то будет, родные вы мои? Дома-то, небось, изошло тоской материнское сердце!..

А девушки отвечали:

— Скоро, скоро... Вот придет весна — и пулей полетит фашист из Крима!

Но зиме, казалось, конца нет — такой она была суровой, упрямой: чуть повеет теплом — тотчас нагрянет студеный ветер и леденит все кругом.

Особенно трудно было работать зимой техникам. Летали обычно с захода солнца до рассвета: в 4 часа дня выруливали машины со стоянки и ровно в 9 утра заруливали обратно. Оставалось семь часов на то, чтобы осмотреть машины, отмыть с самолетов грязь, подготовить их к ночным полетам. Времени для сна было очень мало. Систематическое недосыпание плохо сказывалось на здоровье девушек. Тогда старший инженер полка С. И. Озеркова организовала бригадное обслуживание самолетов. Пока одна бригада работала, другая отдыхала.

Летчикам и штурманам приходилось легче. После полетов они забирались в свои хаты, ходили друг к другу в гости, а в нелетные дни даже устраивали товарищеские вечеринки, чаще всего посвященные чьему-либо дню рождения. Виновница торжества получала много поздравлений и в стихах и в прозе. Заранее припасались подарки — кто что мог. Иногда даже умудрялись делать пироги, хотя с дровами было очень плохо.

Но зима и им опостылела сверх меры: воевали в полсилы!

Вот почему так загорелись глаза Люси Клопковой и ее подруг, когда их хозяйка, по обыкновению усаживая «доченек» за стол ранним утром, торжественно объявила однажды:

— А зиме-то пришел конец. Видите, небо какое сегодня? Весной дышит...

С приходом весны советские войска в соответствии с планами командования усилили свой натиск на врага на этом фронте.

А вскоре началось решительное наступление на Керчь.

В апрельские дни гул авиационных моторов не затихал над Керченским проливом.

Днем через пролив и обратно на большой высоте проносились наши тяжелые бомбардировщики и истребители, а с наступлением сумерек и до рассвета работала ночная бомбардировочная авиация. Снова настало время «ночей-максимум». За ночь полк делал до 125 боевых вылетов.

Полк наносил удары по укрепленным пунктам противника к западу и юго-западу от Керчи. Помимо бомб, экипажи сбрасывали десятки тысяч листовок, убеждая фашистов прекратить сопротивление, ставшее бессмысленным. Но гитлеровское командование еще крепко держало в руках своих солдат, проливавших кровь за чуждое народу дело, и, чтобы вразумить их, требовались новые и новые сокрушительные удары.

В одну из апрельских ночей к Люсе Клопковой, только что вернувшейся из полета, подошла Женья Руднева.

— Давай слетаем на Керчь, — сказала она. — Там сегодня лес прожекторов, сильный зенитный огонь, и все наши экипажи работают по запасным целям, а мы с тобой ударим прямо по фашистскому логову, хочешь?..

— А что скажет майор? — нерешительно ответила Люся, имея в виду Бершанскую.

— Все будет в порядке, — ответила Женья. — Я как-никак штурман полка!

Люся обрадовалась:

— Раз так — летим!

«Над Керчью, действительно, небу было жарко, — вспоминает она. — Ныряя между лучей прожекторов, мы подошли к цели. Женья сбросила бомбы.

Я удивилась, почему она молчит, не подает команды. Оглянулась — и мне стало страшно: Женья, наполовину высунувшись из кабины, смотрела вниз, что наделали наши бомбы...

Тут нас стали искать фашистские прожекторы, но искали они значительно выше, а я, переключая самолет с одного крена в другой, ныряла, как в гигантском лесу, между спящими столбами света.

Когда нас стали обстреливать зенитки, действующие синхронно с прожекторами, я увеличила скорость и, отворачивая от трассы обстрела, значительно потеряла высоту.

Женя спокойно сказала мне:

— А высоту особенно-то терять нельзя!

Тут-то я только и заметила, что действительно высота маловата.

Пошли вверх и — к морю».

В ту же апрельскую ночь Лариса Розанова со штурманом Лелей Радчиковой вылетела на цель «Голубая балка». Сбросив бомбы на большое скопление гитлеровцев, самолет отошел от цели, но в этот миг зенитный снаряд попал в мотор. Он замер, замолк... Надо садиться на освобожденной территории — через пролив не дотянуть.

Розанова приказала штурману дать сигнал ракетой: «Я — свой», чтобы включили старт. Но старта не дали, а самолет быстро снижался и вот уже покатился по земле вдоль окраины какой-то деревни, метрах в десяти — пятнадцати от домов.

Кончился пробег, самолет остановился.

— Лея, где мы — у себя или у немцев?

— По всем данным, у себя, — отвечает Лея.

На всякий случай летчицы взяли планшеты, вывернули компас, выскочили из самолета и отбежали от него метров на пятьдесят. Тут они услышали русскую речь, увидели бегущих навстречу бойцов. Экипаж попал в расположение нашего инженерного батальона. На командном пункте батальона видели ракеты и поняли, что нужна помощь.

Летчицы оставили у самолета двух часовых и пошли на командный пункт батальона. Доложили командиру о случившемся. Последовало распоряжение: самолет бросить, а экипаж немедленно переправить на Таманский берег.

Лара Розанова очень любила свой самолет. Она считала его самым легким и быстрым из всех самолетов эскадрильи. Ей жаль было его бросать, тем более, что ремонт требовался небольшой.

Розанова решила спасти самолет. Она рассудила, что командир, отдавая приказ, прежде всего имел в виду вывести экипаж из опасной зоны. Поэтому она отправила Радчикову в часть, а сама осталась у машины.

Ремонтировать самолет можно было только ночью. Днем площадка, на которой он стоял, простреливалась с позиций противника. Аварийная команда из четырех техников за две ночи отремонтировала самолет, и Розанова вернулась в Пересыпь на своей машине.

2

Весна уже вступила в свои права. Таманский берег заливало яркое солнце. Погода благоприятствовала полетам. Радиус действий нашей авиации значительно расширился.

Вместе с другими авиационными частями полк наносил удары по железу

нодорожной линии Керчь — Владиславовка. Несмотря на сильный заградительный огонь, полеты были удачны.

«В одну из ночей, — рассказывает Наталья Меклин, — я получила от командира полка задание вылететь в район станции Багерово, к западу от Керчи, куда немцы усиленно подвозили подкрепления.

Невысокая облачность и светлая ночь позволяли противнику без труда нащупать наш маленький самолет, выделявшийся на фоне светлых облаков, как на экране. В этих условиях каждый экипаж по своему усмотрению выбирал себе путь и способ, как добраться до цели.

Я летала со своим штурманом Ниной Реуцкой. Испытав в первом вылете, как тяжело пробираться к цели напрямик, мы решили лететь в обход с севера. Пролетев некоторое время вдоль берега, мы свернули на юг, прямо на цель, и таким образом сократили расстояние и время пребывания над территорией противника. Оставалось только обмануть вражеские прожекторы и зенитки, защищавшие станцию Багерово. Но это было трудно, так как высота облачности была лишь метров пятьсот, а зенитки стояли на высотах вокруг станции. Я вела самолет в облаках, изредка выходя из них, чтобы штурман мог уточнить курс.

Так мы дошли до цели. Здесь нас стали искать прожекторы. Наугад застрочил зенитный пулемет. Под нами была железнодорожная станция. На путях стояли немецкие эшелоны. Сбросили осветительную бомбу — все стало видно, как днем. В этот момент нас схватили четыре прожектора. Нина сбросила бомбы на эшелон. Сильные взрывы внизу слились с грохотом зениток. Началось!

Резко поворачиваю самолет на север, к морю. Прожекторы держат нас крепко. Кругом рвутся снаряды. Маневрировать очень трудно — высота ниже четырехсот метров. Пахнет гарью, порохом от разрывов, при каждом взрыве самолет встряхивает.

Выжимаю из бедного самолета все возможное. Нина моя умолкла — говорить бесполезно. Все мысли, вся воля напряжены и собраны в одно — выйти как можно быстрее, быстрее. Зенитки остались позади, а прожекторы еще держат, видно, ждут, что самолет упадет в море. Над морем у меня высота сто метров. Вышли!

— Ну как, Ниночка?

— Ничего, — отвечает мой молодой неунывающий штурман. — Здорово горит, — показывает она в сторону нашей цели.

Здесь мы замечаем, что левая плоскость просвечивает насквозь, перебит лонжерон, на другом болтаются тряпки, в гаргроте дыра.

Прилетаем домой, докладываем, пересаживаемся на запасную машину и снова летим на Багерово».

В такой трудной обстановке действовали и все остальные экипажи. Это были очень сложные и рискованные боевые вылеты. Летчицы и штурманы показали в них свое возросшее мастерство, свою выдержку и бесстрашие.

Но на войне не всегда удается уйти от опасности. И суровая действительность скоро напомнила о себе.

Ночь на 9 апреля была особенно напряженной. Полк непрерывно бомбардировал вражеские позиции. По неосвещенному аэродрому нетерпеливо расхаживали техники и вооруженцы, поджидая свои машины, чтобы тотчас, не теряя и минуты, снарядить их в новый рейс, в новый бой.

Женя Руднева, как всегда, инструктировала перед вылетом все экипажи, подольше останавливаясь у самолетов молодых летчиц, недавно допущенных к боевым операциям. Среди них было немало ее учениц.

— Волнуются, — сказала она Бершанской. — По себе знаю, как трудны эти первые полеты, какой это большой экзамен для каждого новичка!

Она успокаивала молодежь и теплым словом, и шуткой, и вдумчивым советом.

Около полуночи Женя решила сама пойти в бой, на этот раз с молодой летчицей Прокофьевой. Они направились в район станции Булганак, хорошо знакомой Жене по предыдущим полетам.

И надо же было, чтобы как раз в эти минуты заградительный огонь врага достиг наибольшей силы. Самолет Прокофьевой—Рудневой попал в сетку прожекторных лучей, и весь огненный шквал обрушился на него. Девушки, вылетевшие вслед за ним, видели, как он загорелся в воздухе, как стал падать, объятый пламенем. За мгновение до его удара о землю из самолета вылетели ракеты. Рвались ли они сами от сильного жара или это стреляла Женя, прощаясь с подругами, осталось навсегда неизвестным.

Командир эскадрильи Евдокия Никулина
(слева) и штурман Евгения Руднева

Руднева и Прокофьева погибли на глазах у друзей. И все же их боевые товарищи долго не хотели верить этому. Они точно наяву видели Женю — ее светловолосую головку, большие вдумчивые глаза, мягкую улыбку. Им все еще слышался ее спокойный, проникновенный голос, то чудесно рассказывавший сказки Горького, то читавший баллады Жуковского или просто согревавший душу горячим, безыскусным разговором.

Девушкам вспоминались те дни, когда Женю назначили штурманом полка. Кое-кто опасался, что она не справится с этой работой: слишком мягок характер, да и нет командирских навыков. Тревожились, что она не сумеет быть достаточно требовательной к подчиненным. Все эти опасения не оправдались. Женя оказалась превосходным руководителем, она умела твердо поддерживать железную дисциплину и прежде всего тем уважением, которое внушала к себе окружающим.

Женя не стремилась стать штурманом полка. Ей не хотелось расставаться со своим любимым летчиком Диной Никулиной. Она боялась, что ее засосет административная работа, отчетность, «бумажки», канцелярщина. Но она сумела одолеть и эти трудности.

Ее последний, роковой вылет был 645-м. Незадолго до него она, шутя, говорила, что война кончится тогда, когда она сделает 700 боевых вылетов...

Полк тяжело переживал свою утрату. Все поклялись отомстить за безвременную гибель Жени Рудневой.

Спустя неделю, — раньше рука не поднималась взяться за перо, — Евдокия Давыдовна Бершанская сообщила о несчастье родителям Жени.

Она писала:

«...В ночь с 8 на 9 апреля на боевом посту погибла наша героиня, Ваша родная дочь Женечка.

Она погибла храбро, мужественно, как герой. Слава о ее подвигах будет жить в веках. Наш личный состав очень скорбит по любимой подруге. Никогда не забудем ее светлый облик. Командование представило ее к награждению званием Героя Советского Союза.

Мои дорогие, прошу Вас, не отчаивайтесь. Ведь героиня погибла за Родину! А погибнуть за Родину — это великая честь для советского человека, советского офицера.

Если бы можно было, то каждая из нас отдала бы жизнь свою за Женечку. Но этого сделать нельзя. Мы ее вернуть не можем...

Мы продолжаем выполнять свою боевую работу и крепко бьем этих презренных убийц—бандитов. Мы отомстим им за смерть Жени и будем бить их, пока наши руки смогут держать штурвал, пока наши глаза видят, чтобы и следа от фашистов не осталось на нашей светлой земле».

В этом письме командира полка были выражены чувства всей полковой семьи.

Женя Руднева не дождала двух дней до прорыва фронта врага на Керченском полуострове. 11 апреля войска Отдельной Приморской армии прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника в районе Керчи и двинулись на запад — на соединение с войсками 4-го Украинского фронта.

В ночь на 11 апреля Гвардейский Таманский полк произвел 194 вылета. Все экипажи в общей сложности провели за эту ночь в воздухе свыше 216 часов и сбросили на противника около 25 тысяч килограммов бомб. Кроме того, было разбросано 900 тысяч листовок на немецком и румынском языках.

Утро после прорыва керченской оборонительной линии застало техников и вооруженцев на аэродроме за обычной работой — осмотром и приведением в порядок самолетов после напряженной боевой ночи.

Из штаба прибежала техник Аня Шерстнева.

— Чего вы тут копаетесь? Получен приказ: всем полком перелететь на крымскую землю!

Девушки бросились к землянкам, наскоро собрали личные вещи. Каждая летчица в этот день сделала по несколько полетов через пролив и перевезла тех, кто в первую очередь нужен был для возобновления боевой деятельности в Крыму. Перевозили также бензин в бачках и бомбы.

Поднялись в воздух. Пошли бреющим полетом. Под крыльями в последний раз проплыла таманская земля. Вот и коса Чушка. Теперь она безлюдна. Волны Черного и Азовского морей спокойно плещутся у ее берегов. Позади остались Жуковка, Маяк, Опасная.

Первая посадка — Чурбаш. Чистое поле. Холодно и сыро. Деревня вся выжжена. Отсюда до линии фронта уже далеко. К вечеру перелетели в Карагез. Здесь заночевали под плоскостями самолетов.

Вылетевшие утром в разведку экипажи Поповой, Смирновой и Чечневой сообщили, что бои идут в районе Бахчисарая, что фашисты отступают по всем дорогам Крыма и стягиваются к Севастополю.

Истерзанная фашистами крымская земля, обогрелая кровью советских людей, отзывалась в сердцах болью и гневом. Девушкам не терпелось нанести удар по отступающим вражеским колоннам, не дать гитлеровцам возможности безнаказанно улизнуть. Правда, и без легких бомбардировщиков крымское небо было насыщено советской авиацией. Хозяевами воздуха здесь были наши «Лавочкины», «Петляковы» и «Яковлевы». Девушкам не хотелось от них отставать. Но за дальностью расстояния до фронта в короткую весеннюю ночь успевали слетать только по одному разу. А главное — не подошел еще транспорт бомб, не хватало и горючего.

По всем путям к фронту двигались войска Отдельной Приморской армии. Тянулись бесконечные обозы с возвращавшимися на пепелища колхозниками, пылали по дорогам стада коров, овец, отбитых у неприятеля. Радостно было видеть, как враг бежит, бросая не только награбленное добро, но и свою боевую технику, оружие, боеприпасы.

Каждый экипаж хотел летать побольше, но выпускались в полет только наиболее опытные экипажи, да и между ними установили очередность. Так продолжалось несколько дней, пока весь полк не сосредоточился в одном месте — деревне Карловке под Симферополем.

4

Карловка расположена в долине, окруженной горами. Дома растянулись узкой полосой на несколько километров. Кругом — сады. Здесь был партизанский район. Партизаны и партизанки, скрывавшиеся в горах и оттуда наносившие удары врагу, теперь спускались в долину, возвращались к своим семейным очагам.

Карловка встретила женский авиаполк торжественно и сердечно. Жители приносили в общежитие корзины с едой. Чего только тут не было! Творог, колбаса, брынза, белые булки, куличи, печенье. Откуда такое богатство? Оказалось, что за несколько дней до встречи с летчицами партизаны ударили по отступающей фашистской колонне, разгромили ее и отбили обоз с продовольствием и скотом.

Встреча с карловскими партизанами превратилась в большой праздник. Общему подъему настроения способствовал выход очередного номера полкового «Крокодила». Это был один из самых удачных номеров за все время. Основной темой номера послужил перелет с таманского берега в Крым. «Крокодилы» полка, его поэты, карикатуристы — Руфина Гашева, Таня Сумарокова, Наташа Меклин, Надя Тропаревская, Маша Щелканова — тонко подметили все забавные стороны этого периода жизни полка и остроумно отразили их в ряде карикатур, шаржей, эпиграмм, фельетонов.

Стоял теплый весенний день. Техники, перебрасываясь шутками, навеянными полковым «Крокодилом», сняв свои тяжелые, пропитанные бензином и маслом куртки, принялись за осмотр машин.

Неожиданно донесся гул приближающегося самолета. «Наш идет», — подумали девушки и приготовились приветствовать своих летчиков. Но это была ошибка. Когда самолет развернулся и бреющим полетом пошел к аэродрому, все увидели на его хвосте черную свастику.

Фашистский налетчик выпустил очередь из крупнокалиберного пулемета. Один наш самолет загорелся, другой был поврежден, три девушки легко ранены.

*Герои Советского Союза Евдокия Никулина (слева)
и Руфина Гашева*

О происшествии сообщили в штаб армии, откуда последовало распоряжение немедленно перелететь всем полком в Изюмовку. Пока велись переговоры, аэродром подвергся еще двум налетам фашистских бандитов, из строя было выведено еще два самолета.

Когда все наши самолеты поднялись в воздух и взяли курс на Изюмовку, из-за отрогов гор показалось девять «Фокке-Вульф». Но поздно — в воздухе уже были наши «Яки» и «Ла-5». Завязался воздушный бой. Потеряв три «Фокка», фашисты пошли наутек.

— Три «ФВ» за три «По-2»! — счет неплохой, — говорили девушки.

Полк разместился в Изюмовке, а боевые вылеты производились с аэродрома в Карловке, откуда было ближе до линии фронта. Теперь этот аэродром охранялся зенитными батареями, но гитлеровцам уже было не до налетов на наши аэродромы — захватчики не знали, как унести ноги из Крыма...

В эти дни появился Указ Президиума Верховного Совета о награждении полка орденом Красного Знамени.

Мария Ивановна Рунт, первой узнавшая об этом, спешила на старт, чтобы сообщить подругам радостную весть. В пути ей встретила вооруже-

нец Лида Николаева. Она приветствовала Рунт, как положено, а в ответ услышала:

— Поздравляю!

— С чем?

— Наш полк награжден орденом Красного Знамени.

Девушка, забыв об уставах, бросилась целовать старшую подругу.

В течение всей ночи на старте то в одном, то в другом углу возникали летучие митинги, звенело «ура»: это прилетавшие с задания экипажи узнавали о награждении.

Вскоре распространилась еще одна новость: в связи с реорганизацией авиационных частей Отдельной Приморской армии полк Бершанской вводился в состав другой авиационной дивизии, ранее действовавшей под Сталинградом.

Встреча со сталинградскими товарищами по оружию и совместная, хотя и кратковременная, работа с ними имели большое значение для таманцев.

Сталинградцы, летавшие на тех же «По-2», что и таманцы, отнеслись к девушкам-гвардейцам по-товарищески, тепло и внимательно. Каждую ночь представители дивизии присутствовали на старте не в качестве посторонних наблюдателей, имеющих целью посмотреть, покритиковать и потом прислать «в письменной форме» указания, а как старшие товарищи, готовые в любую минуту помочь, поделиться своим богатым опытом.

Много интересного рассказали герои Сталинграда о легендарной обороне волжского города-героя и о роли в этой обороне ночной легкобомбардировочной авиации.

Оказалось, что бомбовая нагрузка на самолет у сталинградцев была в среднем больше, чем у таманцев. Как только это стало известно в полку, тотчас к самолетам Дины Никулиной и Нади Поповой был подвешен дополнительный груз бомб. Они без затруднений взлетели и пошли на цель — бомбить аэродром противника в районе Балаклавы. Постепенно все пилоты повысили бомбовую нагрузку своих самолетов.

Наступили последние дни боев за освобождение Крыма.

5

Враг был прижат к морю. Он судорожно цеплялся за каждый метр крымской земли, особенно за Севастополь. Гитлеровцы пытались укрепить его так, чтобы сделать неприступным и с суши и с моря. Тем яростнее были атаки нашей пехоты, тем сокрушительнее огневой вал артиллерии, мощнее удары с воздуха.

Небо над Севастополем гремело от гула моторов. Огромные силы советской авиации участвовали в этой битве. Ночью, чтобы не столкнуться в воздухе, наши самолеты шли к цели с зажженными аэронавигационными

огнями, отказались от светомаскировки.

Экипажи полка Бершанской вылетали в эти дни еще засветло и заканчивали боевую ночь с наступлением полного рассвета. Вместе со всей легкобомбардировочной авиацией они блокировали вражеские аэродромы, наносили удары по бухтам, куда заходили неприятельские транспортные корабли для эвакуации людей и техники.

Вражеские аэродромы, расположенные в районах Балаклавы, Байдарских ворот, на мысе Херсонес, подвергались непрерывным налетам нашей авиации.

В одну из ночей экипаж Рукавицыной—Пустовойтенко атаковал фашистский аэродром на мысе Херсонес.

Подлетая к цели, девушки видели, как взлетали и садились вражеские самолеты, курсировавшие между Крымом и Констанцей, эвакуируя гитлеровцев. Явная сумятица, царившая в стане врага, развеселила девушек.

— Драпают! — иронически сказала Маша Рукавицына.

А Валя Пустовойтенко бросила в ответ:

— Сейчас поддадим им жару, Машенька!

В это время на аэродроме начались взрывы — это бил врага вылетевший первым самолет Маши Смирновой и Дуси Пасько.

Только он исчез, над целью появилась машина Рукавицыной—Пустовойтенко. С аэродрома открыли зенитный огонь. Несколько снарядов разорвалось совсем поблизости от самолета. Но девушки успели сбросить бомбы туда, куда нужно было, и лишь после этого «По-2» лег на обратный курс.

Когда аэродром остался позади, Валя, осмотревшись, увидела, что плоскости машины превратились в клочья, а в полу кабины, у ее ног, зияет дыра.

Прилетев на аэродром, они доложили командиру полка о выполнении задачи и о ранах, нанесенных самолету.

Летчица Мария Рукавицына.
Совершила сотни боевых вылетов

— Еще полетите сегодня? — спросила Бершанская.

— Конечно.

И девушки снова пошли в бой, на этот раз на запасном самолете.

На мысе Херсонес у гитлеровцев были три аэродрома. Их громил почти все экипажи полка. Непосредственно на Севастополь выпускались только наиболее опытные летчики.

Надя Попова говорила впоследствии: «Кто не летал на Севастополь, тот не представляет себе, каким может быть заградительный огонь».

Дуся Пасько вспоминает, что «ничего страшнее полетов на Севастополь не было». Тем замечательнее, что в боях за освобождение этого города полк не имел потерь.

Всего в боях за Севастополь полк сделал 1150 вылетов, в среднем по 150 вылетов за ночь, и с увеличенной бомбовой нагрузкой.

Девятого мая 1944 года над Севастополем взвилось красное знамя Советского Союза. Враг был сброшен в море. В ту ночь майское небо над Севастополем озарилось яркими вспышками победного салюта.

Девушки наблюдали это феерическое зрелище с воздуха. Они продолжали свои атаки на мыс Херсонес, с которого враг был сброшен через три дня после взятия Севастополя. Крым был освобожден навсегда. Таманцы были счастливы, что они на своих маленьких самолетах участвовали в этом историческом событии.

В приказе Верховного Главнокомандующего выражалась благодарность авиационной дивизии, в составе которой Таманский женский полк участвовал в освобождении Крыма.

